

ВОСПОМИНАНИЯ Я. Н. ЖДАНОВИЧА о Б. Л. и В. Л. МОДЗАЛЕВСКИХ

(Публикация Е. С. Левшиной)

Жизнь Б. Л. Модзалевского была тесно связана с Академией наук с апреля 1899 г., когда он занял должность младшего письмоводителя Канцелярии Конференции. В сентябре 1907 г. по предложению неперемennого секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга Б. Л. Модзалевский, «как человек, несколько знакомый с архивными работами, любящий это дело и имеющий опыт в обращении с архивными материалами», был приглашен на три месяца для разборки Архива Канцелярии. Последний из-за неудобного размещения, а также вследствие продолжительной болезни официального архивариуса Н. И. Познякова, занимавшего одновременно должность заведующего Книжным складом Академии, находился в состоянии «непорядка и неустройства».¹ Позднее срок работы Б. Л. Модзалевского был продлен. Летом 1912 г. была учреждена особая должность заведующего Архивом Конференции, на которую был назначен Борис Львович. В течение 1908–1914 гг. им была проведена систематизация и каталогизация документов Архива, которая сделала доступными для ученых многие материалы, имеющие отношение к истории российской науки.²

Осенью 1909 г. Б. Л. Модзалевский, фактически в одиночестве занимавшийся разбором Архива Конференции, пригласил для участия в его тематической разработке Якова Николаевича Ждановича, уже имевшего опыт подобной работы в архивах Полтавы и Чернигова. Таким образом начались их близкое общение, совместная работа в Архиве, быстро установились теплые дружеские отношения, которые длились до конца жизни Б. Л. Модзалевского.

¹ Архив Конференции // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Т. 2, ч. 1. С. 593, 595–596.

² От редактора // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб., 2001. С. 7.

Первая встреча Б. Л. Модзалевского с Я. Н. Ждановичем – юнкером Киевского военного училища – состоялась еще поздней осенью 1905 г. в Киеве, куда Борис Львович приехал выручать из тюрьмы младшего брата Вадима Львовича,³ укрывавшего у себя на квартире евреев.⁴ Немногим ранее, в сентябре 1905 г., с Я. Н. Ждановичем познакомился сам В. Л. Модзалевский.⁵ В последующие годы они много общались (в Петербурге, Чернигове, Киеве), особенно во время совместной работы над «Малороссийским родословником»: Я. Н. Жданович участвовал в составлении родословных росписей Ждановичей и Разумовских.⁶ Крепкая дружба закончилась только с внезапной кончиной Вадима Львовича в 1920 г.

Я. Н. Жданович терял многих близких и друзей, но без преувеличения можно сказать, что смерти братьев Вадима и Бориса Львовичей стали для него сильнейшими ударами, боль и тяжесть которых он пронес через всю жизнь. В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся «памятки» Я. Н. Ждановича о Борисе и Вадиме Льво-

³ *Модзалевский Вадим Львович (1882–1920)* – военный инженер, архивист, генеалог; младший брат Б.Л. Модзалевского. По окончании Николаевского Инженерного училища в Петербурге (1902) был направлен в 14-й Саперный полк, расквартированный в Киеве. В 1907–1910 гг. состоял в должности сверхштатного офицера-воспитателя 1-го Кадетского корпуса в Киеве. С 1901 г. сотрудничал в «Русском биографическом словаре», в 1904–1906 гг. – в журн. «Киевская старина»; состоял членом Черниговской (с 1903 г.) и Полтавской (с 1904 г.) губернских ученых архивных комиссий. По выходе в отставку в 1911 г. переехал в Чернигов, где принял должность директора Музея украинских древностей им. В. В. Тарновского. Итогом его исторических, источниковедческих и генеалогических исследований стал труд «Малороссийский родословник» (в 4 т. Киев, 1908–1914). В 1913 г. был избран секретарем Черниговского дворянства. В апреле 1918 г. переехал в Киев. В 1918–1919 гг. заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского, занимал должности начальника Архивного управления и Всеукраинского главного архива как член культурно-просветительской комиссии при украинской всемирной делегации, под руководством В. И. Вернадского составлял проект устава Украинской Академии наук, занимая должность секретаря Комиссии для выработки законопроекта об основании УАН, был членом Комиссии по рассмотрению вопросов о гербе и печати Украинского государства, Киевского софийского комитета, археографической комиссии при 1-м отделе УАН. О нем см.: *Модзалевская Т. Л. Вадим Львович Модзалевский (1882–1920)*. СПб., 2011; *Томозов В. В. К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества*. СПб., 1995. Вып. 4. С. 44–51.

⁴ *Модзалевская Т. Л. Вадим Львович Модзалевский...* С. 15.

⁵ Подробнее об этом см.: Там же. С. 11–12, 15.

⁶ *Малороссийский родословник*. Киев, 1910. Т. 2. С. 21–32; *Малороссийский родословник*. Киев, 1914. Т. 4. С. 229–235.

вичах, которые он написал в 1944–1945 гг. и, предположительно, в 1948 г. по просьбе Льва Борисовича (1902–1948), сына Б. Л. Модзалевского. Со страниц этих воспоминаний не только «выплескиваются» боль, горечь утраты, но и предстают светлые, живые образы давно ушедших друзей, которые долгие годы оставались «заперты в душе» Я. Н. Ждановича.

В самых подробных, обстоятельных воспоминаниях – о Б. Л. Модзалевском (датируются концом 1944 г.; в настоящее время готовятся к публикации), написанных на карточках при свете мигающей коптилки голодным, мерзнувшим человеком, Я. Н. Жданович признавался: записи – «это тяжелые для меня памятки о человеке, которого я всегда искренне уважал, ценил и любил, и написал их только сыну».⁷

По всей видимости, Я. Н. Жданович и раньше приходил к мысли о необходимости зафиксировать на бумаге все то, что он помнил о Б. Л. и В. Л. Модзалевских и до сих пор переживал, но попытки осуществить задуманное заканчивались неудачей: так, после прочтения им было уничтожено «начало повести о жизни Вади».⁸ Вероятно, помимо просьбы Л. Б. Модзалевского, тяжелые годы войны, голодная жизнь в Москве, одолевавшие болезни повлияли на Я. Н. Ждановича и заставили сделать над собой усилие, «отпереть душу» – написать воспоминания о близких ему по духу, убеждениям, интересам людям. По словам самого Якова Николаевича, его неразборчивые, возможно, нескладные воспоминания о Б. Л. Модзалевском, которые он даже не перечитывал, его стиль изложения, все это – «вылившаяся из души вода».⁹

Более поздние и краткие записи Я. Н. Ждановича о Борисе Львовиче были сделаны, очевидно, до смерти Л. Б. Модзалевского летом 1948 г. По содержанию, стилю изложения они являются дополнением к воспоминаниям 1944 г., содержащим больше сведений о событийной стороне жизни Б. Л. Модзалевского, его деятельности как выдающегося ученого-архивиста, о взаимоотношениях автора с известными деятелями науки и искусства: Н. Н. Врангелем, Г. И. Нарбутом, П. Е. Щеголевым и др. Публикуемые «памятки» 1948 г. (по-видимому, неоконченные) касаются скорее внутреннего мира Бориса Львовича: его характера, привычек, манеры поведения, особенно – отношения к работе и ее организации, – того, что оказало влияния и на

⁷ Жданович Я. Н. <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944> // РО ИРЛИ, ф. 187.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

формирование Ждановича-архивиста. В академических кругах Якова Николаевича называли «учеником Бориса Львовича», и он, ценя это и понимая, какую роль сыграла для него работа в Архиве Конференции, написал в автобиографии: «Так началась моя новая архивная карьера на всю мою жизнь».¹⁰

Воспоминания Я. Н. Ждановича о В. Л. Модзалевском датированы 16 апр. 1945 г. Если в «памятках» 1944 г., в части, посвященной жизни Вадима Львовича в Чернигове и Киеве, рассказывается в основном о его личной и семейной драме, то в публикуемых записях речь ведется о деятельности В. Л. Модзалевского в Киеве, об его участии в разработке устава Украинской Академии наук.

Имя автора публикуемых воспоминаний, Якова Николаевича Ждановича (1885 или 1886–1953) – историка-архивиста, генеалoga, друга семьи Модзалевских – малоизвестно. Он принадлежал к малороссийскому дворянскому роду, восходившему до 1694 г.¹¹ Был третьим ребенком губернского секретаря, председателя Городничьей губернской земской управы Николая Николаевича (1853–1916) и дочери надворного советника Валентины Яковлевны (урожд. Косенко; 1858–1908) Ждановичей; всего в семье было семеро детей. Первые десять лет своей жизни безвыездно провел в родовом имении Хреновка (в настоящее время – село в Щорском районе Черниговской области Украины).

Я. Н. Жданович окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1905) и, несмотря на желание продолжить обучение в Киевском университете, поступил в Киевское военное училище. Во время саперного восстания, вспыхнувшего в Киеве в сентябре 1905 г., он открыто высказался в училище против еврейских погромов, в которых участвовали и некоторые юнкера. За выраженный протест и дружеские отношения с товарищем по корпусу Б. П. Ждановским (1885–1918), возглавившим восстание, Я. Н. Жданович был уволен из училища «без права производства в офицерский чин за какие-либо заслуги» и направлен в начале 1907 г. в 73-й Крымский пехотный полк.¹²

Опыт архивной работы Я. Н. Жданович приобрел еще в корпусе, занимаясь под началом своего преподавателя, историка И. Ф. Пав-

¹⁰ Жданович Я. Н. <Отрывки из автобиографий> // Из личного архива Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой.

¹¹ Подробнее о роде Ждановичей см.: Малороссийский родословник. Т. 2. С. 21–32.

¹² Жданович Н. Я. Воспоминания об отце // Советские архивы. 1990. № 3. С. 45.

ловского (1851–1922), в архивах Полтавы. После неожиданного окончания военной карьеры Я. Н. Жданович получил приглашение от археолога Д. Я. Самоквасова (1843–1911) принять участие в организации рукописного отдела выставки XIV Археологического съезда в Чернигове. За осень 1908–лето 1909 гг. под руководством секретаря Черниговской ученой архивной комиссии П. И. Добровольского и Д. Я. Самоквасова им был систематизирован и подготовлен к изданию собранный для выставки рукописный материал.¹³

Осенью 1909 г. Я. Н. Жданович приехал в Петербург и поступил на должность внештатного сотрудника в Архив Конференции, где служил до апреля 1913 г. Он работал в архивах Москвы, Петербурга, в том числе копировал необходимые для Б. Л. Модзалевского материалы, хранившиеся в Академии художеств, Министерстве Двора, Эрмитаже, Главном штабе, Сенате, делал много выписок для «разных лиц» и передавал их Борису Львовичу. Я. Н. Жданович также выезжал на родину для обследования архивов городов Малороссии, принимал участие в организации коллекций Пушкинского Дома, выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», где им был подготовлен под руководством историка Д. И. Багалея (1857–1932) отдел «Малороссия», и ее каталога. Зимой 1911/12 г. Я. Н. Жданович занимал должность секретаря выставки и выполнял обязанности заведующего ее «запасным отделом» (фондом).¹⁴

После открытия Ломоносовской выставки (апрель 1912 г.) Яков Николаевич был избран членом Русского военно-исторического общества, Археологического института (обучение в котором не было завершено из-за начавшейся войны), Полтавской и Черниговской ученых архивных комиссий. По предложению последней в течение лета 1913 г. им была выполнена работа по обследованию архивов некоторых уездов губернии.

В сентябре 1913 г. барон Н. Н. Врангель, с которым Я. Н. Жданович познакомился во время работы над Ломоносовской выставкой, пригласил его на должность секретаря Комиссии и редакции юбилейного сборника «История Императорской Академии художеств за 150 лет».¹⁵ Помимо выполнения этих обязанностей Яков Николаевич за-

¹³ Жданович Я. Н. <Отрывки из автобиографий>.

¹⁴ Жданович Я. Н. <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

¹⁵ «История Императорской Академии художеств за 150 лет» – неосуществленное юбилейное издание 1913–1914 гг., в 4 т., одним из авторов и редакторов которого

нимался тематической разработкой архивов художественных классов при Московском университете, академических классов в фонде Архива Конференции, Министерства Двора, Эрмитажа, Конференции Академии художеств. В результате им были составлены списки и краткие обзоры содержания дел последнего архива начиная с 1764 по 1837 г. для сотрудников редакции.¹⁶ Одновременно Я. Н. Жданович работал над статьями для «Русского биографического словаря»,¹⁷ участвовал в историческом отделе газеты историка литературы П. Е. Щеголева (1877–1931) «День», предоставляя «хороший архивный монографический материал».¹⁸

С началом Первой мировой войны Я. Н. Жданович был мобилизован, но из-за отсутствия свидетельства о благонадежности отправлен на тыловую службу в Киевское интендантство со званием «зауряд военного чиновника»; в 1915–1917 гг. работал в Смоленске. После Февральской революции в 1917–1918 гг. он был назначен на должность председателя Комиссии по сбору архивов Юго-Западного и Румынского фронтов и, снова приступив к знакомой работе, почувствовал, что архивы – его «удел, на всю жизнь».¹⁹

Летом 1918 г. Я. Н. Жданович женился на Анне Александровне Линдфорс и осенью уехал к ней в Ялту. В браке родились двое детей – дочь Наталья (1919–2004) и сын Андрей (1924–2009), участник Великой Отечественной войны, ставший впоследствии военным моряком, художником, писателем.²⁰

в 1913 г. стал барон Н. Н. Врангель. В связи с затянувшимися военными действиями Первой мировой войны и последующими политическими катаклизмами, а также неожиданной смертью Н. Н. Врангеля в июне 1915 г. издание не было осуществлено. Большинство написанных для 1-го тома статей было опубликовано позднее, под редакцией С. П. Яремича в сборнике: Русская Академическая художественная школа в XVIII веке. М.; Л., 1934. Об издании см.: *Золотинкина И. А.* Академический проект Н. Н. Врангеля // Наше наследие. 2004. № 69. С. 69–71. Добавим, что Я. Н. Жданович, называя Н. Н. Врангеля, наравне с Б. Л. Модзалевским, своим учителем, писал: «...он чрезвычайно ловко впустил в меня бациллу организатора, воспалившую все мое нутро, и на всю мою жизнь я стремительно бросался туда, где плохо шли дела» (*Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>).

¹⁶ *Жданович Я. Н.* <Отрывки из автобиографий>.

¹⁷ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 442–444.

¹⁸ *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

¹⁹ *Жданович Я. Н.* <Отрывки из автобиографий>.

²⁰ Его произведения: *Жданович А. Я.* 1) Секрет продвижения. Маленькие рассказы о нетипичном. СПб., 2004; 2) Холодное утро. 2-е изд. СПб., 2005 3) Фарватер. СПб., 2007.

В 1918–1921 гг. Я. Н. Жданович, по предложению председателя Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма Н. Д. Милиоти (1874–1962), занимал должность заведующего охраной дворцов и музеев Южного побережья Крыма. По счастливой случайности он избежал страшной участи белогвардейцев, находившихся в Крыму, и в 1921–1923 гг., выполняя распоряжение руководства Центрархива Украины, уже участвовал в «ликвидации истребления беспризорных архивов» и работал на Черниговщине, организовав в конечном счете Черниговское губернское архивное управление и Исторический архив (1923).²¹ Эта деятельность Я. Н. Ждановича «превосходит все его ожидания», «даже делает популярным», и его «вызывает Москва “организовать Центрархив Союза ССР”».²²

В системе Центрархива РСФСР Я. Н. Жданович работал с 1923 по 1931 г. старшим архивистом-консультантом. Его деятельность была разнообразной, но особенно много внимания уделялось научному консультированию в центральных и местных архивах, занятиям со слушателями московских архивных курсов. Тексты докладов Якова Николаевича, с которыми он выступал, почти не сохранились, поэтому особенную ценность представляют его статьи, опубликованные в журн. «Архивное дело» в 1927–1931 гг.²³ По воспоминаниям дочери Натальи Яковлевны, Я. Н. Жданович обладал поразительной памятью, богатой фантазией, был чрезвычайно интересным собеседником, непревзойденным рассказчиком; все, что знал, хотел передать другому.²⁴ Это в полной мере отразилось как в публикуемых воспоминаниях, так и в его художественно-биографических очерках – «Старость (набросок очерка)», «День Василия Великого» (хранятся в личном архиве Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой).

«Человек гордый и принципиальный, человек чести и совести», Я. Н. Жданович не выносил хамства и подхалимства,²⁵ никогда не скрывал своего дворянского происхождения – все это раздражало многих его коллег по работе.²⁶ Кроме того, в конце 1920-х гг. у него

²¹ Подробнее см.: *Жданович Н. Я.* Воспоминания об отце. С. 46–47.

²² *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

²³ Подробнее о его работе, взглядах на организацию архивного дела см.: *Жданович Н. Я.* Воспоминания об отце. С. 47–48; *Курникова И. А.* Из истории советского архивоведения. Архивист Я. Н. Жданович // Советские архивы. 1990. № 3. С. 42–45.

²⁴ *Жданович Н. Я.* Наш дом // Из личного архива Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой.

²⁵ Там же.

²⁶ *Жданович А. Я.* Холодное утро. С. 27–29.

обострились отношения с начальником М. Н. Покровским (1868–1932). Я. Н. Жданович прошел чистку госаппарата 1928–1929 гг., но в 1931 г. был уволен из архива с предписанием покинуть вместе с семьей Москву в трехдневный срок. Благодаря хлопотам Е. П. Пешковой (1876–1965), семье разрешили остаться в городе, но из архивной системы Яков Николаевич был уволен.²⁷

До 1936 г. Я. Н. Жданович работал по договорам: научным сотрудником в Музейно-библиотечном отделе Центрального института труда инвалидов Наркомсобеса, в издательстве Общества политкаторжан, в Отделе справочников издательства «Московский рабочий» и др.²⁸ Наконец, вернулся к архивной работе и с 1936 по 1941 г. служил старшим (с 1939 г. – младшим) научным сотрудником Сектора рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького. Я. Н. Жданович заведовал архивом № 1 (дореволюционными рукописями) и занимался обработкой писем писателей XIX–XX вв. В этой работе ему помогала картотека персоналий XVIII–XIX вв., составленная много лет назад по примеру картотеки Б. Л. Модзалевского. Большая часть его картотеки была утрачена в годы Великой Отечественной войны,²⁹ судьба оставшейся пока неизвестна.

Всю войну Я. Н. Жданович с дочерью Натальей оставался в Москве, отказавшись эвакуироваться вместе с институтом в августе 1941 г. В Москве, в комнате с зафанеренными окнами, были написаны его воспоминания о Б. Л. и В. Л. Модзалевских.

В последние годы жизни, из-за тяжелой болезни, Яков Николаевич редко выходил из дома, но продолжал консультировать по телефону, безвозмездно. Подобно своему учителю Борису Львовичу, он любил и уважал труд, «работал не за деньги, а ради самой работы, ради самого дела», считал, что «без любви труд – ярмо».³⁰ Подобно Борису Львовичу, Яков Николаевич «любил архивное дело и вкладывал в него всю страсть своей души».³¹

Воспоминания Я. Н. Ждановича были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ в 1986 г. Н. Я. и А. Я. Ждановичами. Публикуются по автографам из фонда Л. Б. Модзалевского (РО ИРЛИ, ф. 187); распо-

²⁷ Подробнее см.: *Жданович Н. Я.* Воспоминания об отце. С. 47.

²⁸ *Жданович Я. Н.* <Отрывки из автобиографий>.

²⁹ *Жданович Н. Я.* Воспоминания об отце. С. 48.

³⁰ *Жданович Н. Я.* Наш дом.

³¹ *Жданович Н. Я.* Воспоминания об отце. С. 48.

ложены в хронологическом порядке содержания. Пунктуация и орфография в документах приведены в соответствие с современными нормами. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

За сообщение ценных сведений о Я. Н. Ждановиче и его семье, предоставление материалов из семейного архива выражаю искреннюю признательность Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой. Благодарю за помощь Т. Л. Модзалевскую и своих коллег Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово.

<Воспоминания о Б. Л. Модзалевском>

<начало 1948—до 26 июня 1948 г.?>

Память очень часто стирает образы даже самых близких людей, давно ушедших, заслоняет другими лицами, яркими и характерными. Я часто пытаюсь оживить в памяти дорогое мне лицо давно умершей женщины, которую я полюбил сильной и яркой юношеской любовью, но мозг мой слаб, я напрягаю безрезультатно память и гляжу на портрет: да, удивительно похожа, но совсем не то, что я ловлю в своей памяти и не могу никак уловить. Редко увидишь этот любимый образ во сне ярким, живым, настоящим и сразу забываешь.

А ведь уже прошло изрядно времени, как он умер, я его не видел уже двадцать лет, причем в последний раз ко мне пришел незнакомый старик с окладистой седой бородой в золотых очках.¹ Этого лица я совсем не помню, и даже портрет не поможет.

Ни разу в моей жизни мне не приходилось видеть его во сне. Ни при жизни его, ни после смерти более двадцати лет тому назад.² Но лицо его ярко в моей памяти. За последние двадцать лет я встречал очень много характерных лиц, очень ярких, могучих, сочных, навсегда памятных, но все эти лица, — их много, — не могут заслонить, затушевать, стереть вовсе из моей памяти яркого, живого лица твоего отца.

Мне всегда казался он выше среднего роста, худой, несколько узкоплечий, не достаточно выпрямленный, — как бывают выпрямлены военные, носящие или носившие форму, — как был выпрямлен всегда Вадя в штатском костюме, — всегда в черном пиджаке или сюртуке. Возможно, летом он надевал светлый и даже белый костюм, но летом я скорее представляю его в темной легкой косоворотке или в черном пальто, прикрывающем белый костюм.

Цвет костюма определяет характер человека,³ об этом говорил еще Яков Брюс.⁴ Я не представляю себе Вадю в черном костюме, — в сюртуке я его ни разу не видел, — он носил серые костюмы, возможно,

темно-синие... хотя характер Вади – белая льняная вышитая голубым косоворотка с шелковым синим шнуром с длинными кистями,⁵ – и летом и зимою безразлично. Внешность Бориса Львовича казалась сухой и строгой.

Черные волосы на голове, – стригся «ежиком», – черная борода – прямая в два угла, всегда аккуратно зачесанная, несмятых волос. Очень часто носящие длинные бородки кладут волосы ее себе в рот, еще чаще – мнут ее руками, оглаживают ее или подвигают волос двумя пальцами. Я никогда не видел, чтобы Борис Львович беспокоил волосы своей бороды, прикасался к ним своими руками. У него не было этой привычки.

Необычайно деликатный, даже застенчивый, он всегда глядел всем прямо в глаза своими лучистыми глазами из-за стекол очков в золотой оправе. Зрачки его глаз никогда не увлекались в пространство, когда он разговаривал с кем-нибудь, его взор перед собеседником всегда был прям и открыт.

Он никогда не позволял себе сесть в кресло или на стул прежде, чем его собеседник, даже в том случае, если собеседник его был гораздо младше его по возрасту; мальчика или девочку он, прежде чем начать беседу, сперва ласково усадит, а затем сядет и сам. В гостиной комнате и в театре он всегда стоял, если видел стоящую женщину, даму, молодую девушку. Он подчинял себя такту, немедленно вставал в театре из кресла по окончании действий пьес, выходил в фойе или стоял между рядом стульев или кресел, – если его собеседник не выходил в фойе, – и садился только тогда, когда гасили свет.

Эта его манера не казалась странной, он мне однажды сказал:

– Смотри, Жакоба,⁶ стоят дамы, даже вот там стоит пожилая женщина, генералы стоят, а вот этот ферт сидит, развалившись, в кресле, направляя бинокль в ложи.

И этот «ферт» мне показался вдруг ужасно антипатичным.

Глядя прямо в глаза собеседника, он всегда говорил спокойно, негромким, но внятным голосом, никогда его не повышая. Он умел удивительно спокойно выслушивать всякого собеседника, на лету ухватывая его мысли; никогда не перебивая собеседника, он выслушивал его до конца и делал паузу после того, как собеседник замолчит, и тогда уже начинал свой разговор. Он никогда не позволял себе перебить речь собеседника, и, если собеседник перебивал его речь, он ту же секунду умолкал, прерывая свои мысли, и выслушивал до конца собеседника.

Его простота и тактичность иногда подавляли чуткого собеседника, и он сам смущался застенчиво, иной раз даже душевно волновался, и тогда он говорил какую-либо остроту или удачную поговорку, оба смеялись, шутили, и беседа продолжалась гладко, принимая окраску дружеской интимности.

Если собеседник был скучным, засиживался и утомлял его, он не показывал вида усталости, а по уходе собеседника говорил, улыбаясь: «Сел и пустил корни – корнеплод».

Для него не была понятна библейская мудрость о том, что и «ложь бывает во спасение»;⁷ он никогда не углублялся в философию о том, что «иногда правда может убить человека», всякая ложь для него казалась отвратительной. Лгать другому, хитрить... лгать себе или хитрить с собою он органически не мог и не умел. Когда он чувствовал, что собеседник его лжет или хитрит, он ужасно смущался, иногда краснел и всегда опускал глаза; оправившись минуту, он поднимал снова свой взор в лицо лгущему, глядел спокойно прямо в глаза собеседника, и враль растерянно умолкал. Борис Львович в этих случаях никогда не подчеркивал того, что он заметил хитрость или ложь в разговоре с собеседником, сбивал его с толка, иной раз делая вид, что он верит, но... смущенный однажды собеседник уже переставал лгать, стараясь изменить тему разговора.

По внешности Борис Львович казался сухим и очень строгим (это находил в его внешности и Н. Н. Врангель,⁸ и старик В. В. Матэ⁹), –

в общении он обвораживал собеседника своей тактичностью, скромностью, сердечностью, острым умом и своими познаниями...

– Удивительно приятно поговорить с обаятельным человеком и умницей, – говорил мне не однажды о Борисе Львовиче академик Василий Васильевич Матэ.

– Я просто влюблен в него за его обаятельность – сказал мне однажды о Борисе Львовиче – эстет Николай Николаевич Врангель.

Но Борис Львович действительно был очень строг по отношению к самому себе. Об этой строгости к себе, к своей работе, к тем методам, какими он работал, – я буду говорить ниже. Он никогда не подчеркивал отрицательных сторон у других, за исключением очень, очень близких, любимых им, особенно брата Вади, который его сильно любил, уважал и побаивался, – но всегда напоминал эти отрицательные стороны или качества, стараясь «покопаться в себе самом» и «вышколить себя прежде всего».

Иногда мы говорили на эту тему. Я развивал тезисы: «Какое ты имеешь право быть лучше меня», «стыдно себя ставить выше другого...».

– И тем не менее человек создан по подобию Божию, – разбивал все мои тезисы Борис Львович.

Борис Львович был строго аккуратен к своей внешности как вне дома, так же и в домашней обстановке. Любил свою библиотеку, тщательно убирал пыль с книжных полок и книг, строго следил, чтобы не был случайно нарушен порядок в расстановке книг; тщательно следил за алфавитом своей картотеки; по возможности старался регламентировать свой труд и отдых, сон и удовольствия. Тщательнее всего он следил за собою, чтобы его «не охватила лень».

Разве у Бориса Львовича не было срочных работ? Их было иной раз очень много, но он никогда не засиживался в «авралах» своего труда, он не признавал этих «авралов», все у него было спланировано, и он строго выполнял свои собственные планы. «Не успевать в работе» он считал распущенностью.

Он страдал сердечной жабой,¹⁰ подчас он очень уставал и от работы, и от погоды, но я не помню, чтобы его «заедала работа». Работа для него всегда была самым любимым, самым близким другом и никогда не была ему врагом. Он был ужасно строг к себе и щепетилен, с каким-то особенным тактом подходил к своему любимому делу, находился с ним в дружеских отношениях и никогда с ним не ссорился, а потому никогда и не жаловался на свой Труд, что именно он его утомляет. Утомляет жизнь, быт, погода, здоровье, но не труд; Борис Львович творил свой труд тщательно, кропотливо, равномерно. Без «авралов» – авралы – распушенность. В планах последующих дней строго их выполнял.

Он не составлял планов, но делал заметки, к какому сроку он обязан выполнить работу. Я старался брать в пример себе работу Бориса Львовича. Одно время я был завален физически невыполнимой, срочной работой секретаря редакции и Комиссии Юбилейного издания «Истории Академии художеств».¹¹ Самое сложное и трудное в этой работе было для меня – работа в Государственных архивах.

Зная темы статей первого тома, я обязан был ежедневно прочитывать десятки дел в Архивах Академии наук, Академии художеств, Эрмитажа, Министерства Двора и др. Отбирать нужные дела для сотрудников, выписывать их в Академию художеств или озаботиться снятием копий на месте в архивах с листов, просмотренных сотрудниками. Одновременно я обязан был ежедневно, в определенные часы, работать в редакции как ее секретарь; по вечерам я должен был работать как секретарь Комиссии на кв<артире> гр. С. Ю. Сюзора.¹²

Я не помню усталости; правда, я был в то время очень молод. Передо мною ежедневно лежал план-дневник работ на завтрашний день. За мою работу я получал уйму денег, 150 рублей золотом в месяц, и с наслаждением тратил их на извозчиков. Вместо пяти часов дня я прекращал работу в семь часов вечера, когда не было заседаний Комиссии у Сюзора; где-то в столовках или ресторане обедал, шел в кино (за 15 к<опеек> билет) и в двенадцатом часу вечера, купив горячую булку, ветчины, масла, калачей на утро, иногда бутылку красного вина «Кагор» – ехал домой для того, чтобы выспаться.

Все поразились, каким образом я успеваю в работе и ее опережаю. Часто в редакцию заглядывали хроникеры газет узнать о ходе нашумевшего уже будущего «Памятника Академии». Однажды хроникер пришел при Врангеле. Я вытащил свои дневники и месячные сводки, стал информировать о главном и интересном. Когда хроникер ушел, Врангель меня попросил познакомить его с моими тетрадями:

– Вот вы, Сюзор, Матэ, Яремич¹³ и др<угие> удивляетесь, что я успеваю в работе и «опережаю» ее, я делаю все по плану, по регламенту... Сегодня, – говорю я, – заседания Комиссии нет, в девять ч<асов> вечера я в Кино на Б<ольшом> Проспекте Петербургской стороны, идет «Обрыв»¹⁴ Гончарова с Юреновой...¹⁵

– Просто замечательно, – говорил Врангель, – вы снимите для меня копии месячных сводок... Как вы догадались и додумались до этого?..

– Но ведь я же «ученик Бориса Львовича».

– А у него тоже есть планы его работ? Вы делаете по образцу?

– Нет, и Борис Львович не знает о том, что я составляю дневники с планом и отметками выполнения; но я знаю отлично, что Борис Львович регламентирует свой труд.

– Какой умница и какой счастливый человек Борис Львович, – сказал вслух Врангель. – Я никогда не успеваю сделать того, что задумал, и часто все проходит зря, в мечтаниях.

У Бориса Львовича никогда не проходило задуманное «зря» и «в мечтаниях». Наметив однажды, он составлял программу работы, наметку ее и клал «под спуд», чтобы вылеживалась, включал ее в план на известный ему срок и ежедневно ее обдумывал, подыскивал к ней материалы и складывал в папку «под спуд». Однажды, когда в повседневных работах материала накопилось достаточно, когда он уже пережил и перечувствовал надуманную тему достаточно, Борис Львович вдруг загорался, вынимал папку на стол очередных работ и «включал тему в регламент».

Он был строг к себе и по отношению <к> семье, он никогда не уходил от семьи и всегда уделял ей достаточно времени. Но больше

всего он был строг к качеству своих трудов, о чем я буду говорить ниже.

¹ Я. Н. Жданович уехал из Петербурга в Чернигов «на каникулы» в мае 1914 г. Начавшаяся Первая мировая война не позволила ему вернуться в Петербург. Их связь с Б. Л. Модзалевским восстановилась лишь в 1922 г. посредством переписки. Встреча состоялась 19 дек. 1926 г., когда Б. Л. Модзалевский приехал в Москву и навестил Я. Н. Ждановича, проживавшего с женой и двумя детьми в комнате д. № 17 по Большой Пироговской ул., в здании Центрального Архивного управления СССР: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

² Б. Л. Модзалевский скончался 3 апр. 1928 г. в Ленинграде.

³ Возможно, Я. Н. Жданович приписывает Я. В. Брюсу тезис И. В. Гете о том, что «по характеру цвета одежды судят о характере человека». В трактате «К учению о цвете» (1810) И. В. Гете затрагивал в том числе межкультурные различия в цветовой символике и психологическом воздействии цвета. Автор связывал цвет одежды как с характером нации в целом, так и с характером отдельного человека. Подробнее см.: *Месяц С. В.* Иоганн Вольфганг Гете и его учение о цвете (часть первая). М., 2012. С. 371–373.

⁴ *Брюс Яков Вилимович* (1669–1735) – граф (1721), гос. деятель, военный, дипломат, инженер, ученый; один из ближайших сподвижников Петра I, реформатор русской артиллерии, генерал-фельдцейхмейстер (1711), генерал-фельдмаршал (1726).

⁵ Именно в такой косоворотке предстал перед Я. Н. Ждановичем В. Л. Модзалевский в день их знакомства, которое, по прошествии многих лет, описал Я. Н. Жданович. Первая жена В. Л. Модзалевского А. Л. Гаева «прекрасно вышивала голубой шелковой гладью рубашки мужу»: *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский... С. 11–12.

⁶ Так называли Я. Н. Ждановича друзья.

⁷ Имеется в виду искаженная цитата из Псалтири: «Не спасается царь многю силою, и исполин не спасется множеством крепости своея. Ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не спасется» (Пс 32:16–17). В данном случае «ложь» – краткое прилагательное мужского рода (в русском Синодальном переводе оно переведено как «ненадежен»); фраза переводится как: «Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею». Подробнее см.: Бывает ли ложь во спасение? // *Фома*. 2008. № 2 (58). URL: <http://foma.ru/byivaet-li-lozh-vo-spasenie.html> (дата обращения 19.07.2015).

⁸ *Врангель Николай Николаевич* (1880–1915) – барон, искусствовед, специалист по отечественному искусству конца XVIII–первой трети XIX в. В 1902–1912 гг. занимался сбором и организацией художественных выставок, в частности, был комиссаром выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» (1911–1912), членом комитета несостоявшейся юбилейной выставки к 300-летию царствования дома Романовых (1912–1913). О нем см.: *Золотинкина И.* Николай Врангель, барон и искусствовед: «Моноклем остекливший глаз...» (1880–1915) // *Наше наследие*. 2004. № 69. С. 50–68.

⁹ *Матэ Василий Васильевич* (1856–1917) – гравер, офортист, художник, рисовальщик; академик гравирования (1899), действительный статский советник (1913). Воспроизводя картины и рисунки русских художников 2-й половины XIX в., способствовал популяризации русского искусства.

¹⁰ Имеется в виду грудная жаба – устаревшее название стенокардии. В более подробных воспоминаниях Я. Н. Жданович, говоря о болезни Б. Л. Модзалевского, упоминает и сердечную жабу, и сердечную астму – приступы удушья, сопряженные

с сердечной недостаточностью. По словам Я. Н. Ждановича, первый приступ сердечной астмы произошел у Б. Л. Модзалевского через полтора месяца после открытия выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», летом 1912 г. За все свои напряженные труды: тематическую разработку Архива Конференции, участие в подготовке празднования юбилея М. В. Ломоносова, выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» и ее каталога – Б. Л. Модзалевский «был награжден Почетным орденом Сердечной астмы». Вероятно, у него наблюдалась смена приступов грудной жабы приступами сердечной астмы: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

¹¹ См. примеч. 15 к вступ. статье.

¹² *Сюзор Павел Юльевич* (1844–1919) – граф, архитектор, педагог, общественный деятель; академик архитектуры (1892), почетный член Академии художеств (1911), действительный статский советник (1894).

¹³ *Яремич Степан Петрович* (1869–1939) – искусствовед, художник. С 1918 г. – хранитель Отделения гравюр Эрмитажа; с 1930 г. – заведующий реставрационной мастерской Эрмитажа.

¹⁴ Экранизация одноименного романа И. А. Гончарова (1913); совместное производство фирм «А. Ханжонков и К^о» и «Дранков и Талдыкин», режиссер-постановщик – П. И. Чардынин. В. Л. Юренева исполнила в фильме роль Веры Васильевны.

¹⁵ *Юренева (урожд. Шадурская) Вера Леонидовна* (1876–1962) – актриса театра и немного кино. В 1906–1919 гг. (с перерывами) – ведущая актриса театра «Соловцов» в Киеве (в наст. время – Национальный академический театр русской драмы им. Леси Украинки). Участвовала в кинопостановках: «Кукольный дом» (1909), «Гроза» (1912), «Бесприданница» (1912), «Обрыв» (1913) и др.

<Воспоминания о В. Л. Модзалевском>

16 апреля 1945

Что я могу припомнить сейчас о работе Вади в 1918 г. в Киеве? В 1917 г. Февральская революция застала меня в Смоленске, где я работал чиновником военного времени в одном из управлений (Гуртовом) Минского военного округа. Летом того же года, для меня неожиданно, я был откомандирован в штаб Киевского военного округа. Приехал в Киев я поздней осенью, явился в штаб и получил назначение на должность председателя Комиссии по сбору архивов Юго-Западного и Румынского фронтов.

Остановился я в Киеве у известной в те времена украинской деятельницы, вдовы проф<ессора> А. А. Русова,¹ Софьи Федоровны Русовой,² внизу Владимирской ул<ицы>. На письменном столе Русовой я увидел пригласительный билет на открытие учреждаемой в г. Киеве Украинской Академии мистецтв,³ графика текста пригласительного билета была выполнена худож<ником> Егором Нарбутом,⁴ что меня

поразило еще больше... Он в Петербурге, откуда он взялся в Киеве, да еще в такое время?

Нарбут был мне близким другом, я знал его увлекающимся фантазером: в 1914 г. он очень часто уверял меня, будто бы Петр Могила после образования в Киеве Духовной академии намечал основание там же Академии художеств, намечал выписать для этого из Италии и Голландии мастеров-живописцев и в этом роде...⁵ Я быстро разыскал Егора в собственном доме его землячки-глуховчанки Карпека.⁶

– Ждан, я ж казав тобі, що Академія мистецтв на Україні буде! – встретил меня криком Нарбут после трехлетней разлуки.⁷

Через неделю мы наняли себе квартиру на Георгиевском переулке.⁸ Нашел ее Нарбут и заявил:

– Другой не хочу. Переулок моего святого, близко Георгиевская церковь,⁹ а самое главное – окна квартиры упираются в стену Софии Киевской, почти в браму еп<ископа> Заборовского,¹⁰ под этой брамой и умерти можно, – увлекался Егор.

Декабрь Нарбут жил разгульной жизнью, пьянствовал главным образом со своим товарищем по Глуховской гимназии летчиком Сашкой Карпека.¹¹ После праздников отрезвился, стал работать (українські гроші) и ужасно тосковать.¹²

Библиограф Нарбута, ознакомившись с последним этапом его жизни, может вывести иное заключение, и даже наверное выведет; но я утверждаю и сейчас, что тосковал Егор по душе Вадима. Он виделся с Вадей дважды: осенью 1913 г. в Петербурге (встретились впервые) и в июле 1914 г. в Чернигове, куда он приехал вместе с С. Н. Троицким¹³ специально в гости к Ваде и прожил неделю.

Ужасно ленивый Нарбут писал Ваде в Чернигов и упрашивал его переехать в Киев. Вадя отвечал ему, что он без приглашения не придет.

В январе к Киеву подошли войска полк<овника> Муравьева.¹⁴ Чуть ли не неделю продолжался обстрел Киева снарядами. Нарбут пьянствовал в своей квартире. Хлеба не было, за водой ходили ночью на Днепр. Пили водку, закусывая гречневой кашей, жирными копчеными сазанами и паюсной икрой. Временно снова установилась власть Центральной Рады, и Нарбут пошел к министру освиты Прокоповичу¹⁵ с просьбой пригласить Вадима «керовать архивной справой». Нарбут заседал на управляющего делами освиты, кажется, Павло Ив<ановича> Зайцева,¹⁶ будущего редактора Вадиного журнала «Наше Минуло»,¹⁷ но Зайцев неизменно отвечал: «Пишу ему без всяких ответов». Нарбут злился. Пришли немцы; вскоре был произведен

гетманский переворот. Нарбут был завален заказами на гроші и казачьку одіжу;¹⁸ сыпались просьбы на обложки книг и журналов, проект украинского герба и пр<очее>. Нарбут сидел и работал, вздыхая по Вадиму.

Весной 1918 г. я встретился однажды в доме Марии Николаевны Требинской¹⁹ с будущим министром освіти Ник<олаем> Прок<офьевичем> Василенко,²⁰ который очень любил Вадю. За чайным столом я спросил его, не вызовет ли он Вадю организовать архивное дело при министерстве. Но Василенко стал почему-то предлагать это дело мне, меня это смутило и удивило. Василенко отмакивался. Я стал объяснять ему, насколько кропотлива работа моя по сбору архивов двух фронтов во время Гражданской войны. Части войсковых соединений русской армии распались, архивы брошены; кой-где эти архивы, как мне было известно, подбираются немцами и австрийцами, нужно не зевать и глядеть, что называется, в оба глаза. Василенко как будто понял, оживился и сказал: «Да, уходить Вам из Генерального штаба нельзя, с этим я согласен», – и «конфиденциально» мне сообщил, что он имеет другие виды на работу Вади в министерстве. «Дело в том, – сказал Василенко, – что в ответ на личное приглашение Прокоповича Вадя ответил ему обстоятельным письмом, в котором поднимает вопрос об Украинской Академии наук». Не припомню, пишет ли Вадя Прокоповичу, или же Василенко говорил мне свое личное мнение, что Украинская Академия наук имеет много предпосылок, более, нежели учрежденная Прокоповичем Академия мистецтв, проект и устав которой были выдвинуты Нарбутом... Да и более нужна Украине, чем хилая пока Академия мистецтв, и силы для этого есть. Василенко упомянул имена академиков Вернадского²¹ и Крымского,²² «не сомневаюсь несколько, что впоследствии к нам примкнет и отсутствующий в Киеве Михайло Грушевский,²³ а пока его может заменить его брат Александр».²⁴ Единственным подходящим сотрудником по разработке устава Академии он считает только Вадима, которого он ожидает со дня на день.

Вскоре после этого разговора с Ник<олаем> Пр<окофьевичем> Василенко в Киев приехал Вадя, вернее, переехал со всем своим домашним имуществом и поселился с Нарбутом, я переехал на квартиру своего товарища в Генеральном штабе и недели через три уехал в Ялту. Я пробыл в Ялте недели две и снова встретился у Требинской с Василенко, занимавшим уже пост министра освіти в правительстве гетмана Скоропадского.²⁵ Я знал, что Вадим заведует архивно-биб-

лиотечным отделом Министерства освиты. До этого времени я очень редко встречался с Николаем Прокофьевичем, знали друг друга больше по работам, и я чувствовал себя несколько смущенным видеть его в должности министра. Темой для разговора у меня с ним была общая с хозяйкой дома Требинской; оба меня расспрашивали о моей поездке в Ялту, о состоянии здоровья Зинаиды Александровны Линдфорс²⁶ и находящейся при больной сестре ее Галины Александровны.²⁷ Между прочим, я сказал им, что недели через три Галю временно сменил Вера Григорьевна Тучапская (супруга известного социал-демократа, одна из организаторш с<оциал>-д<емократических> кружков в Киеве)²⁸ и что Галя приедет на лето в Киев. Василенко удивился, к чему ей ехать сейчас в Киев, где абсолютно для нее нет ничего интересного, и когда я признался о нашей помолвке и о том, что венчание наше произойдет тотчас же, как окончится Петровский пост, хозяйка дома и Ник<олай>Прокофьевич были очень заинтригованы, хотя Марья Николаевна и уверяла меня, что мне давно нужно было кончать с этим делом. Василенко с большим почтением относился к семейству Линдфорсов²⁹ и особенно любил Галю, мою невесту, крестницу Науменко³⁰ и подругу дочери Марии Николаевны – Леси Требинской;³¹ он встал, подошел ко мне и искренно сердечно меня поздравил, и чтобы покончить с этой темой разговоров, я умышленно спросил его, в каком состоянии находится проект Украинской Академии наук.

Василенко оживился еще больше и признался мне, что вопрос об Академии его, министра просвещения, настолько мучает, что он иногда не спит ночами. Удастся ли ему осуществить это «великое дело» для Украины, которое он мог бы навсегда считать своей заслугой. Состав Комиссии по выработке устава Академии им уже намечен, намечен и секретарь Комиссии – Вадим Львович, единственный, кто, по его мнению, может быстро справиться с этим достаточно сложным делом. Гетман дал свое согласие, но он, министр, никак еще не договорится с премьером Федором Андреевичем Лизогубом,³² членом Кабинета Игорем Кистьяковским,³³ который считает вопрос об Академии пока несвоевременным. Василенко излагал рассказ очень спокойно, видимо, сдерживаясь, и закончил его фразой: «А торопиться надо именно сейчас, потому что неизвестно, что будет завтра».

Вадя и Егор Нарбут были моими шаферами у меня на свадьбе, в это время Вадя занимал, между прочим, и должность секретаря Комиссии по выработке устава Академии наук. Когда я приходил на Ге-

оргиевский пер<еулук>, заставлял Вадима всегда в кабинете за работой над проектом устава. Работал он под руководством академика Вернадского, происходили заседания Комиссии и частые совещания, но вся основная и черновая работа лежала на Ваде. Приходилось спешить и работать по ночам.

Осенью, несмотря на весьма тревожное время, устав Академии был утвержден, но я не припоминаю сейчас торжества открытия Академии, т<ак> <как> на открытии я не присутствовал. Этот факт я смутно припоминаю, помню, что в это время я был болен «испанкой», и сейчас подробности открытия Академии выпали из моей памяти, я даже путаю сейчас этот факт с ярким солнечным осенним днем, какой-то телеграммой и празднеством в г. Виннице. При чем здесь Винница, я не знаю. Указ мог быть подписан гетманом только в Киеве; возможно, что первое заседание, открытие происходило в Виннице? Почему? Я что-то путаю, ибо был тогда болен «испанкой».

Было бы весьма печальным, если бы труды Вади по созданию Украинской Академии наук (а я повторяю и утверждаю: вся основная работа, скрупулезная и черновая, Комиссии по выработке устава производилась Вадей) были преданы забвению. По-моему, судьба была несправедлива к нему: наделив его такими способностями, которыми он обладал, таким трудолюбием и работоспособностью, уложила его навечно в земле Байковой горы и стерла «с лица земли» холм его могилы.³⁴ Представь себе факт, я приложил много усилий для того, чтобы отыскать его могилу в 1925, 1926, 1927 и в 1928 гг., так и не отыскал. И друзья его отыскать не могли. Похоронен он с Нарбутом, через могилу, как мне говорили (Эрнст в своей книге «Нарбут» указывает могилу Вади неточно³⁵). Но и эта примета сейчас, вероятно, мало поможет для отыскания его могилы, т<ак> к<ак> Байково кладбище (гора), вероятно, очень пострадало при военных действиях.

В том случае, если не сохранилось дело Комиссии 1918 г. по выработке устава Академии и если, случайно, в архиве Академии сохранился архив Вади, который по его смерти перешел в Академию наук, я убежден в том, что среди бумаг покойного возможно будет отыскать фрагменты работ его по составлению проекта устава Академии.³⁶

¹ Русов Александр Александрович (1847–1915) – земский статистик, этнограф, фольклорист и общественный деятель, муж С. Ф. Русовой. В 1876–1894 гг. занимался статистической работой на Черниговщине, в Херсонской губернии, в Харькове. В 1894–1899 гг. разработал экономический баланс Черниговской губернии. Был членом Черниговской губернской ученой архивной комиссии. В 1899–1902 гг. возглавлял статисти-

стико-экономическое бюро Полтавы. С 1909 г. преподавал статистику в Киевском коммерческом институте.

² *Русова (урожд. Линдфорс) Софья Федоровна* (1856–1940) – педагог, писатель, литературовед, общественный деятель; тетка жены Я. Н. Ждановича А. А. Жданович. В 1871 г. вместе с сестрой открыла первый в Киеве детский сад. С 1909 г. – преподаватель и профессор на Высших женских курсах А. В. Жекулиной и во Фребелевском педагогическом институте в Киеве. В 1917 г. вошла в состав Центральной Рады. Была одним из основателей и директором «департамента дошкольного и послешкольного просвещения» при Министерстве просвещения (1917–1919). Преподавала в созданной в 1917 г. Украинской научно-педагогической академии, с 1920 г. – в Каменец-Подольском университете. С 1922 г. – в эмиграции в Польше, с 1923 г. – в Чехословакии; была профессором педагогики Украинского Педагогического института им. М. П. Драгоманова, активно участвовала в международном женском движении.

³ Украинская Академия искусств была основана по инициативе деятелей науки и искусства и торжественно открыта 22 нояб. (5 дек.) 1917 г. в здании Педагогического музея, где проходили заседания Украинской Центральной Рады (д. № 57 по Владимирской ул.). Устав Академии искусств был принят 5 (18) нояб. 1917 г.

⁴ *Нарбут Георгий Иванович* (1886–1920) – художник-график; близкий друг Я. Н. Ждановича и В. Л. Модзалевского, с которыми познакомился в Петербурге в 1912 и 1913 гг. соответственно. По окончании Глуховской мужской гимназии (1906) поступил на восточный факультет Петербургского университета и сразу перевелся на филологический. Регулярно занимался живописью, в 1910 г. вступил в «группу Бенуа». Помогал Я. Н. Ждановичу в художественном оформлении отдела «Малороссия» Ломоносовской выставки (1912). В 1913–1914 гг. работал в качестве художника в редакции журн. С. Н. Тройницкого «Гербовед». После Февральской революции стал членом особого Совещания по делам искусств при Временном правительстве. В 1917 г. переехал в Киев. Был одним из инициаторов основания в 1917 г. и профессором графики Украинской Академии искусств, с 1918 г. – ее ректором. Занимался созданием эскизов военных мундиров армии Украины, банкнотов, грамот, открыток, почтовых марок. После прихода к власти гетмана П. П. Скоропадского (1918) создал эскизы малой Государственной печати, Государственного герба. Подробнее о нем см.: *Белецкий П. А. Георгий Иванович Нарбут*. Л., 1985.

⁵ По словам Я. Н. Ждановича, мечта об украинской Академии художеств не покидала Г. И. Нарбута со времен работы над оформлением отдела «Малороссия» Ломоносовской выставки. Он излагал свои планы друзьям, за что был прозван в шутку Петром Могилой: *Белецкий П. А. Георгий Иванович Нарбут*. С. 153. *Петр Могила* (1596–1647) – митр. Киевский, Галицкий и всея Руси (1632), экзарх Константинопольский. В 1627 г. был избран архим. Киево-Печерской лавры. Его усилиями в 1631 г. при Лавре было открыто училище для преподавания наук на греческом, славянском и латинском языках, которое вскоре было объединено с киево-братской школой в Киево-Могилянскую коллегию (1631–1701). В 1701 г. коллегия была переименована в Киево-Могилянскую академию. Существовала до 1817 г.

⁶ Имеется в виду д. № 64 по Владимирской ул. (ныне – ректорат Национального университета им. Т. Г. Шевченко). В нем, во втором этаже, проживала семья *Карпеки Данилы Александровича* (1856–?) – отца летчика и авиаконструктора А. Д. Карпеки, родившегося в Глухове. Семейство переехало в Киев из Черниговской губернии в начале 1900-х гг. Ближе знала Г. И. Нарбута и сестра А. Д. Карпеки *Карпека-Глеваская Ольга Даниловна* (1892–?), оставившая о нем воспоминания (Институт мистец-

твознавства, фольклористики та етнології НАН України, ф.13, оп. 4, ед. хр. 250). В 1992 г. на фасаде дома для почтения памяти Г. И. Нарбута была установлена мемориальная доска.

⁷ Г. И. Нарбут хотел не только создавать работы в «украинском стиле», но и говорить на украинском литературном языке. Украинский акцент, слова и обороты часто появлялись в его разговорной речи: *Белецкий П. А. Георгий Иванович Нарбут*. С. 126.

⁸ Имеется в виду д. № 11/9 на углу Георгиевского пер. и Стрелецкой ул. (не сохранился). Г. И. Нарбут с женой и двумя детьми поселился в нем в конце 1917 г. В апреле 1918 г. туда переехал и В. Л. Модзалевский. В 1919–1920 гг. в здании располагалась Украинская Академия искусств. Подробнее о совместном периоде жизни Я. Н. Ждановича и Г. И. Нарбута см.: *Белецкий П. А. Георгий Иванович Нарбут*. С. 156.

⁹ Георгиевская церковь – один из первых монастырских киевских храмов, построенный в XI в. Фундамент древнего храма в настоящее время отчасти находится под д. № 2 по Георгиевскому пер., отчасти под газоном перед этим домом. Современная Г. И. Нарбуту церковь, возведенная в 40-е гг. XVIII в. и перестроенная в конце XIX в., была снесена в 1934 г.

¹⁰ Брама Заборовского – главные, западные ворота для въезда в Софию Киевскую, расположенные напротив митрополичьих покоев. Сооружены в 1748 г. архитектором И. Г. Шеделем (ок. 1680–1752) по заказу митр. Киевского Рафаила Заборовского (1731–1747). Г. И. Нарбут, увлеченно собиравший материалы по украинскому барокко, восхищался этим затейливым строением: *Белецкий П. А. Георгий Иванович Нарбут*. С. 141.

¹¹ *Карпека Александр Данилович* (1894–1918) – летчик, авиаконструктор. Окончил частную гимназию В. П. Науменко в Киеве (1910). В 1909 г. построил несколько моделей самолетов, с одной из которых победил на городских соревнованиях. Был членом Киевского общества воздухоплавания (с 1908 г.). В 1910 г., посещая поле, где авиаконструкторы И. И. Сикорский и Ф. И. Былинкин производили опыты над своими первыми аппаратами, стал проектировать свой биплан, который затем был построен по его заказу в мастерской И. И. Сикорского. Его аппарат обогнал по техническим решениям машины не только украинских, но и французских конструкторов. В 1911–1913 гг. спроектировал и построил еще три самолета. Учился в Киевском политехническом институте (1912–1913). После начала Первой мировой войны оставил учебу в институте и поступил в военное училище; воевал в составе Дагестанского полка Дикой дивизии. С 1915 г. – курсант Гатчинской военной авиационной школы; воевал на Рижском фронте. После ранения был направлен в военную авиационную школу в Севастополе для улучшения техники пилотирования. В 1918 г. вернулся в Киев и был арестован после прихода к власти атамана С. В. Петлюры (декабрь 1918 г.), умер в заключении от тифа.

¹² Имеется в виду работа Г. И. Нарбута над эскизами украинских денежных знаков, первый из которых – купюра достоинством в 100 карбованцев – был напечатан 17 дек. 1917 г. В начале 1918 г. им были выполнены эскизы банкнот нового денежного знака – гривны.

¹³ *Тройницкий Сергей Николаевич* (1882–1948) – искусствовед, генеалог, геральдист; близкий друг Г. И. Нарбута. В его петербургской типографии «Сириус» была напечатана книга В. Л. Модзалевского «Малороссийский гербовник», оформленная Г. И. Нарбутом (1914). В 1908 г. поступил на службу в Эрмитаж; в 1918–1927 гг. – директор Эрмитажа, член Коллегии по делам музеев; в 1927–1931 гг. – заведующий Отделом прикладного искусства.

¹⁴ Здесь и далее речь идет о событиях Гражданской войны на территории Украины в январе–апреле 1918 г. 27 янв. (9 февр.) Киев был занят войсками «Одесской советской республики» под командованием М. А. Муравьева (1880–1918). Советская власть в Киеве пала 1 марта, когда в город вошли немецкие войска. Это привело к восстановлению режима Центральной Рады, который продержался менее двух месяцев, и 26 апр. при активной роли Германии Рада во главе с М. С. Грушевским была разогнана, а на «съезде хлеборобов» гетманом Украинской державы был провозглашен генерал П. П. Скоропадский.

¹⁵ *Прокопович Вячеслав Константинович* (1881–1942) – полит. и гос. деятель, историк. Министр народного просвещения Украинской Народной Республики в правительстве В. А. Голубовича, (январь–апрель 1918 г.), активный сторонник украинизации школы. Возглавлял Президиум секции образования и культуры Украинского гражданского комитета (1920), его заместителем был П. И. Зайцев. Председатель Совета министров Украинской Народной Республики (1920).

¹⁶ *Зайцев Павел Иванович* (1886–1965) – общественный и политический деятель, историк литературы, исследователь творчества Т. Г. Шевченко. В 1912–1914 гг. опубликовал ряд произведений, писем и документов к биографии Т. Г. Шевченко. Одну из его книг, «Оксана, перше кохання Шевченка» (Київ, 1918), оформил Г. И. Нарбут. В 1918–1920 гг. – директор департамента общих вопросов Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. На его квартире весной 1918 г. возникли «музей и клуб», объединившие многих известных деятелей науки и культуры, связанных с Киевом. Весной 1918 г. возглавил редакцию журн. «Наше минуле»; был одним из авторов вымышленного персонажа Лупы Юдича Грабуздова, созданного коллективом журнала. Эмигрировал в 1919 г.; преподавал в Варшавском университете (1921–1939), в Украинском свободном университете в Мюнхене (декан с 1963 г.).

¹⁷ Журн. «Наше минуле» («Наше прошлое») был основан весной 1918 г. клубом интеллектуальной элиты Киева. В. Л. Модзалевский стал секретарем издания. Первый номер журнала вышел в мае 1918 г., его обложка была оформлена Г. И. Нарбутом. В журнале публиковались многие статьи В. Л. Модзалевского, рецензии на книги и др.

¹⁸ Имеется в виду работа Г. И. Нарбута над эскизами украинских денежных знаков и военных мундиров армии Украины

¹⁹ *Требинская Мария Николаевна* – хорошая знакомая Н. П. Василенко и его жены Н. Д. Полонской-Василенко (1884–1973). В ее киевском «салоне» собирались видные деятели науки и культуры, сторонники «украинской политической идеи». Была близка к семейству Линдфорсов; зимой 1918 г. М. Н. Требинская с дочерью Лесей ухаживали за серьезно больной *Шен Любовью Александровной* (урожд. *Линдфорс*; 1873–1925), старшей сестрой А. А. Жданович: Письмо Алексиной (урожд. Линдфорс) Л. А. к Каминер (урожд. Линдфорс) Е. А. от 7 (20) апр. 1918 г. // Из личного архива Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой.

²⁰ *Василенко Николай Прокофьевич* (1866–1935) – историк, юрист, гос. и полит. деятель; академик Украинской Академии наук (1920); близкий друг семьи Линдфорсов. Член Украинской Центральной Рады после Февральской революции (1917). В 1918 г. занимал ряд должностей в правительстве гетмана П. П. Скоропадского: председателя Совета министров Украинской державы, министра народного просвещения (с июня), министра иностранных дел Украины и др., – руководил открытием гос. университетов в Киеве и Каменше-Подольском, Украинской Национальной библиотеки, Украинской Академии наук. В 1921–1922 гг. – президент Всеукраинской Академии наук. В 1922–1926 гг. – председатель Товарищества юристов при УАН.

²¹ *Вернадский Владимир Иванович* (1863–1945) – историк науки, геолог, минералог, кристаллограф, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, основоположник учения о ноосфере; адъюнкт (1906), экстраординарный академик (1908), академик Академии наук (1912). В 1905–1918 гг. – член ЦК партии кадетов, был членом Государственного совета (1906–1911). В ноябре 1917 г. ввиду угрозы ареста уехал из Петрограда и до весны 1920 г. жил на Украине (Полтава, Киев) и в Крыму. В мае 1918 г. возглавил в правительстве гетмана П. П. Скоропадского Комиссии по созданию Украинской Академии наук, по основанию академической библиотеки, по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям; под его руководством работал В. Л. Модзалевский. В октябре 1918–1919 гг. В. И. Вернадский возглавлял УАН; в октябре 1920–начале 1921 гг. был ректором Таврического университета в Симферополе. В апреле 1921 г. был избран директором Геологического и минералогического музея АН.

²² *Крымский Агафангел Ефимович* (1871–1942) – историк, писатель, переводчик, востоковед, тюрколог, семитолог, филателист; академик Украинской Академии наук (1918). С 1898 г. преподавал в Лазаревском институте восточных языков в Москве. В 1917 г. поддержал идею государственной независимости Украины, вернулся в Киев. В 1918–1929 гг. занимал должность секретаря УАН. С 1918 г. возглавлял историко-филологический отдел, Кабинет арабо-иранской филологии, Комиссии Академии: словаря живого великорусского языка, истории украинского языка, диалектологическую и правописания. С 1921 г. возглавлял Институт украинского научного языка ВУАН, в 1921–1941 гг. преподавал (с перерывами) в Киевском университете, заведовал кафедрой всеобщей истории.

²³ *Грушевский Михаил Сергеевич* (1866–1934) – историк, литературовед, социолог, публицист, обществ. и полит. деятель; академик Чешской Академии наук (1914), Всеукраинской Академии наук (1923) и Академии наук СССР (1929). В 1894–1914 гг. преподавал во Львовском университете. Председатель Центральной Рады Украинской Народной Республики (1917–1918). В 1919 г. эмигрировал, основал Украинский социологический институт в Вене. В 1924 г. вернулся в Киев и активно занялся научно-организационной работой. Подробнее о нем см.: *Верба І. В.* Грушевський Михайло Сергійович // *Енциклопедія історії України*. Київ, 2004. Т. 2. С. 232–235.

²⁴ *Грушевский Александр Сергеевич* (1877–1942 или 1943) – историк, организатор архивного и библиотечного дела, педагог; брат М. С. Грушевского. С 1906 г. занимался преподавательской деятельностью в Одесском, Петербургском, Киевском университетах, в Киевском институте народного просвещения. Входил в состав Центральной Рады, заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения Украинской Народной Республики (1917–1918), с начала 1920-х гг. – исполняющий обязанности главы исторической секции Всеукраинской Академии наук. Арестован в 1938 г. и осужден.

²⁵ *Скоропадский Павел Петрович* (1873–1945) – украинский полит. деятель; генерал-лейтенант (1915). В октябре 1917 г. назначен главой вооруженных формирований украинской Центральной Рады. 29 апр. 1918 г. при поддержке германских войск провозглашен гетманом Украинской державы. С уходом германских войск с оккупированных территорий и наступлением на Киев сил Украинской Директории во главе с С. В. Петлюрой 14 дек. 1918 г. бежал в Германию. Жил в Берлине, неоднократно отказывался от сотрудничества с нацистами.

²⁶ *Линдфорс Зинаида Александровна* (1868–1919) – педагог и обществ. деятель; свояченица Я. Н. Ждановича. После смерти родителей в 1890–1891 гг. на ее плечи легли ведение домашнего хозяйства и воспитание младших сестер и брата. Была близка

к социал-демократам, но после 1905 г. отрицательно относилась к революции и социализму. К началу 1900-х гг. была членом нелегальной организации Политический Красный Крест, библиотека которой хранилась на киевской квартире Линдфорсов. Там же часто собирались члены Киевского гимназического кружка, в котором состояла ее сестра *Екатерина (в замуж. Каминер; 1876–1947)* – близкий друг юности А. В. Луначарского. В Русско-японскую войну с сестрой Ольгой добровольно ушли сестрами милосердия на фронт; отказались вернуться в Россию после пленения госпиталя № 98 под Мукденом и остались с ранеными (1905). С 1907 г. работала в частной женской гимназии А. В. Жекулиной. В Первую мировую войну была сестрой милосердия в тыловом госпитале в Киеве. Умерла от туберкулеза в Ялте, где находилась на лечении.

²⁷ Имеется в виду *Жданович (урожд. Линдфорс) Анна Александровна (1885–1937)* – жена Я. Н. Ждановича; брат и сестры называли ее Галей. Окончила гимназию в Киеве. Брала уроки пения, игры на рояле, мечтала стать воспитателем. Поступила на отделение по дошкольному воспитанию высших Курсов воспитательниц и руководительниц физического образования П. Ф. Лесгафта в Петербурге, но прервала обучение в годы Первой мировой войны и добровольно ушла на фронт сестрой милосердия; служила в «летучем» санитарном отряде на передовой в армии А. А. Брусилова, награждена Георгиевской медалью за храбрость. Умерла от туберкулеза, как и ее старшая сестра З. А. Линдфорс.

²⁸ *Тучапская (урожд. Крыжановская) Вера Григорьевна (1866–после 1941?)* – переводчица, мемуаристка, участница революционного движения; близкая подруга всех сестер Линдфорс. Член киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Находилась в ссылке в Вологде, где входила в литературную социал-демократическую группу полит. ссыльных, созданную для продолжения нелегальной работы. Подробнее см.: *Тучапская В. Г.* 1) Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 6. С. 18–49; 2) Из моих воспоминаний // Каторга и ссылка. 1931. № 8/9. С. 197–216. Ее муж – *Тучапский (Тучанский) Павел Лукич (1869–1922)* – участник революционного движения. В 1896 г. входил в группу «Рабочее дело», в 1897 г. – в киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и в редакцию его нелегального органа «Рабочая газета» (1897). Делегат I-го съезда РСДРП (1898), был арестован и заключен в тюрьму. В 1900 г. выслан на четыре года в Вологодскую губернию; отбывал ссылку в Тотье, Яренске, Грязовце, в 1901 г. переведен в Вологду. Работал статистиком в губернском земстве, активно занимался литературно-публицистической деятельностью; вошел в ядро литературной социал-демократической группы. В 1910 г. отошел от активной партийной работы. В 1917–1918 гг. – меньшевик, редактировал одесскую газ. «Южный рабочий». Работал в Одесском губернском кооперативном союзе. С 1921 г. – библиотечарь Украинской Академии наук.

²⁹ Имеется в виду семья будущей жены Я. Н. Ждановича А. А. Линдфорс. К 1918 г. ее родителей и брата Александра уже не было в живых, оставались пятеро сестер: Ольга, Зинаида, Любовь, Екатерина, Людмила, а также сестра отца – С. Ф. Русова.

³⁰ Возможно, имеется в виду *Науменко Владимир Павлович (1852–1919)* – педагог, литературовед, филолог, этнограф, обществ. и полит. деятель; друг и единомышленник С. Ф. Русовой. В 1893–1906 гг. – главный редактор, с 1902 г. – издатель журн. «Киевская старина». Занимался преподавательской деятельностью в образовательных учреждениях Киева (1873–1905). В 1905 г. открыл частную мужскую гимназию в Киеве, занимал должность ее директора до закрытия в 1916 г. (с перерывом). Был членом Совета Министерства народного просвещения, затем возглавил это министерство

(1918). В должности проработал месяц, однако принял участие в формировании руководства Украинской Академии наук

³¹ *Требинская Леся* – дочь М. Н. Требинской.

³² *Лизогуб Федор Андреевич* (1851–1928) – полит. и гос. деятель. Председатель Полтавской губернской земской управы (1901–1915), покровительствовал развитию украинской культуры. После Февральской революции возглавил отдел иностранных подданных Министерства иностранных дел Временного правительства. В конце 1917 г. уехал на Украину и стал консультантом по земскому вопросу при Центральной Раде. В 1918 г. после прихода к власти П. П. Скоропадского занял посты председателя Рады министров Украинской державы (май–ноябрь) и министра внутренних дел (май–июнь). Эмигрировал после падения гетманщины.

³³ *Кистяковский Игорь Александрович* (1876–1940) – юрист, полит. деятель; был знаком с семейством Линдфорсов со времен Киевского гимназического кружка, влиятельным членом и активным участником которого он был. Занимался юридической теорией и практикой; член партии кадетов и ближайший помощник правоведа С. А. Муромцева (1850–1910). В 1918 г. входил в правительство Украинской державы в качестве гос. секретаря (май–июнь) и министра внутренних дел (июль–октябрь). В этот период, по словам Г. Н. Трубецкого, «говорил, что Россия – пустое место, преследовал русский язык и проявлял крайний украинский шовинизм». Эмигрировал после падения гетманщины.

³⁴ Имеется в виду Байково кладбище – мемориальное кладбище, одно из старейших в Киеве, открыто в 1831 г. Расположено на Байковой горе в Голосеевском районе города.

³⁵ *Эрнст (Теодор-Рихард) Федор Людвигович* (1891–1942) – историк, искусствовед; чл.-кор. Государственной Академии художественных наук (1928); земляк и друг Г. И. Нарбута. С 1917 г. служил научным консультантом Всеукраинского комитета охраны памятников искусства и старины, в 1926–1930 гг. – киевским краевым инспектором при Наркомпросе УССР. Член Комиссий по организации Музея культов и быта в Киево-Печерской лавре, Киевской картинной галерее и др. В 1923–1933 гг. возглавлял художественный отдел Украинского исторического музея им. Т. Г. Шевченко. Арестован в 1933 г. и осужден. Создал Музей Беломорско-Балтийского канала, заведовал Музеем строительства канала Москва–Волга (1936–1937). Еще в Киеве участвовал в организации посмертной выставки работ Г. И. Нарбута (1926); автор очерков, посвященных ему: «Георгий Нарбут. Жизнь и творчество», «Оригинальные произведения Г. И. Нарбута», «Отдел памяти», – и вошедших в состав издания: Георгій Нарбут. Посмертна виставка творів. Київ, 1926.

³⁶ Личный архив В. Л. Модзалевского хранится в Центральном государственном архиве Украины (ф. 856) и в Институте рукописей Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского (ф. XII; ф. I, № 6528, 11967–12222; ф. II, № 15591–19007, 24918–24947, 27507, 27537–27574, 27645–27697; ф. III, № 31838–35282). См.: Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник / Національна академія наук України. Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2002. С. 371–375.